

КОНЦЕПЦИЯ БИОПОЛИТИКИ И ЕЁ ГЕНЕАЛОГИЯ

Яркеев Алексей Владимирович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Удмуртский филиал,
Кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник,
Ижевск, Россия,
ORCID: 0000-0002-0068-468X,
E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.09.2019, принята к публикации 11.03.2020

Для цитирования: Яркоев А.В. Концепция биополитики и её генеалогия // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 1 (38). С. 50–59. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10104

Аннотация

Предметом исследования в данной статье является генеалогия концепции биополитики, прослеживаемая в содержательном развитии этого понятия в работах ряда ключевых мыслителей. Автор полагает, что всё многообразие современных публикаций, посвященных актуальной проблеме биополитики, по своим исходным установкам и интенциям можно свести к четырем исследовательским проектам – «био-политика» М. Фуко, «homo sacer» Дж. Агамбена, «Империя» М. Хардта и А. Негри, «homo laborans» Х. Арентдт, – которые задают концептуальные рамки анализа данной проблематики. Основным выводом проведенного исследования является утверждение о том, что концепция биополитики, как она сформировалась в трудах основоположников данного направления социально-философского и пр. анализа, по своей сути представляет собой негативный (критический) вариант социальной онтологии, поскольку утверждение биологических процессов жизнедеятельности общества в качестве его основы в действительности противоречит принципу человеческой социальности.

Ключевые слова:

биополитика, биовласть, homo sacer, homo laborans, голая жизнь, труд, чрезвычайное положение, суверенная власть, империя, контроль.

© Яркоев А.В., 2020

THE CONCEPT OF BIOPOLITICS AND ITS GENEALOGY

Yarkeev Alexey Vladimirovich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
The Udmurt branch,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Senior Researcher,
Izhevsk, Russia,
ORCID: 0000-0002-0068-468X,
E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

Article received on September 29, 2019, accepted on March 11, 2020

To cite this article: Yarkeev, A.V. (2020). Konceptiya biopolitiki i eyo genealogiya [The concept of biopolitics and its genealogy]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 1(38), 50-59. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10104

Abstract

The subject of the research in this article is the genealogy of the concept of biopolitics, traced in the substantive development of this concept in the works of a number of key thinkers. The author believes that all the variety of modern publications devoted to the actual problem of biopolitics and bio-power, according to their initial settings and intentions can be reduced to four research projects – “biopolitics” by M. Foucault, “homo sacer” by J. Agamben, “Empire” by M. Hardt and A. Negri, “homo laborans” by H. Arendt, – which set the conceptual framework for the analysis of this problem. The main conclusion of the study is the statement that the concept of biopolitics, as it was formed in the works of the founders of this direction of socio-philosophical and other analysis, is inherently a negative (critical) version of social ontology, since the statement of biological processes of society as its basis actually contradicts the principle of human sociality.

Keywords:

biopolitics, bio-power, homo sacer, homo laborans, naked life, labor, emergency, sovereign power, Empire, control.

Введение

В настоящее время количество как зарубежных, так и отечественных научных публикаций, посвященных биополитике, неуклонно растет, что свидетель-

ствуется об актуальности данной темы (проблемы). Термин «биополитика» является критическим понятием, используемым с некоторыми вариациями в области политической теории, международных отношений, культурологии, критической социологии и исследований современного общества и процессов глобализации. Важно отметить, что он часто связывается с термином «биовласть» (biopower), который М. Фуко использовал как синоним биополитики. В его определении биовласть – это западная технология власти, которая использует биополитику: контроль человеческих популяций через аппараты нормализации для максимизации жизненных процессов (Rabinow & Rose, 2006, p. 195–196). Актуализация проблемы биополитики в дискурсе социальной философии и политической науки связывается с реальными процессами, происходящими в современном обществе. Как отмечает по этому поводу С. Жижек, все мы сегодня на самом элементарном уровне являемся объектами биополитики (Жижек, 2002, с. 108). Вдохновленные новаторскими исследованиями М. Фуко и последующими исследованиями в рамках различных теоретических направлений, начиная с 1970-х годов, политологи и политические философы начали рассматривать рациональность власти, которая выходит за рамки традиционной суверенно-территориальной логики и скорее воспринимает жизненно важные процессы населения как свой непосредственный объект управления. Одной из главных проблем исследований биополитики является взаимосвязь между позитивной и продуктивной направленностью биовласти и негативной силой отчуждения и уничтожения, которую М. Фуко связывал с суверенной властью, с ее неотъемлемым «правом на смерть», восходящим к patria potestas (отец дает своему ребенку жизнь, поэтому он вправе эту жизнь забрать). Превращение биополитики в «танатополитику» (то есть «политику смерти»), уничтожающую саму жизнь, которую она призвана защищать, было отмечено уже в «Истории сексуальности» М. Фуко, но ее полные последствия были разработаны в более поздних работах Дж. Агамбена, А. Бадью, С. Жижека, Р. Эспозито и других авторов, которые подчеркивают неразрывную связь между биополитикой и ее очевидной противоположностью. Этот парадокс делает биополитику местом, где фундаментальные вопросы политической теории, относящиеся к власти, легитимности, сообществу и т. п., пересекаются с теоретическими и эмпирическими исследованиями в области управления воспроизводством населения, укрепления здоровья, пандемий, пыток, эвтаназии, клонирования, генетических манипуляций и многих других вопросов.

Другим ракурсом исследования биополитики является рассмотрение взаимосвязи между двумя логиками в современном глобальном управлении, а именно демократией и биополитикой. После окончания холодной войны демократия, как кажется, стала основополагающим принципом глобального управления, которое одновременно как легитимируется, так и оспаривается с точки зрения демократических принципов участия, равенства и подконтрольности. В то же время современные исследования глобального управления (Дж. Агамбен, З. Бауман, У. Бек, Ж. Бодрийяр, Э. Гидденс, С. Жижек, А. Негри, М. Хардт и др.) все больше подчеркивают его биополитический характер, ориентированный на позитивное управление жизненными процессами населения. Эти две логики явно следуют разным рациональностям – универсалистским и эгалитарным устремлениям демократии, контрастирующим с партикуляристскими и квазинатуралистиче-

скими установками биополитики. Хотя проблематичность их сочетания отмечена политическими теоретиками, в эмпирических исследованиях она практически не рассматривалась (Rabinow & Rose, 2006, p. 195–196).

Интерпретации и современные контексты биополитики

Начнем с того, что политико-философский анализ биополитики предполагает различие между теорией М. Фуко и современными исследованиями, в частности, размышлениями Дж. Агамбена, М. Хардта и А. Негри. Это различие – главным образом между такими произведениями, как «Рождение биополитики» и «Нужно защищать общество», с одной стороны, и «Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности» против «Номо Сасег», «Средства без цели», «Империя» и «Множество», с другой, – приводит к переосмыслению политического. Более того, генеалогия современности М. Фуко – как способ концептуализации множественности проявлений современной биополитики – фактически ведет к переосмыслению не только политики, но также этики и права.

Возникновение термина «биополитика» связано с участием М. Фуко в сентябрьской акции протеста 1975 г. против казни противников режима Франко в Испании. Когда 20 ноября умер Франко, М. Фуко использовал это событие как повод впервые заявить о том, что власть вступила в новую фазу развития и стала биовластью. Политическая биовласть заставляет людей жить даже тогда, когда они давно уже должны быть мертвы (Фуко, 2010, с. 418). Прежде всего, М. Фуко говорит о «биоистории» (развитие медицины на биологическом уровне): история человечества как биологического вида, начиная с 18 в. проходит под знаком тотальной медикализации. Контроль общества над индивидами реализуется не только через сознание и идеологические аппараты государства, но и через тело. «Тело – биополитическая реальность; медицина – биополитическая стратегия» (Фуко, 2006, с. 82). В своей работе «Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности» М. Фуко, анализируя то, как новые достижения в биологии повлияли на политический контроль в 19-м и 20-м вв., определяет биовласть как развертывание многочисленных и разнообразных методов для достижения подчинения тел и контроля за населением. Биополитика понимается как методика биовласти, которая работает через регулирование и ряд мероприятий, реализуемых для того, чтобы контролировать механику биологических процессов жизни: размножение, рождаемость и смертность, уровень здоровья, продолжительность жизни и долголетие (см. Фуко, 1996, с. 243). Хотя биополитика, как правило, направлена на максимизацию жизни и блага населения, она также выступает в качестве фактора «социальной сегрегации и иерархизации, оказывая [свое] действие на соответствующие силы тел и общностей, обеспечивая отношения господства и эффекты гегемонии» (Фуко, 1996, с. 246). По мнению М. Фуко, своими корнями биополитика уходит в теории 17–18 вв. о государственном интересе и государственной рациональности как о технике управления, единственной целью которой является существование самого государства (его развитие, укрепление, благоденствие), а деятельность индивидов как живых существ оценивается по их способности вносить вклад в мощь государства. Биовласть относится к индивидам не столько как к субъектам права, сколько как к живым организмам. Выживание государства оказывается

тождественным биологическому выживанию населения. Как отмечает М. Фуко, «существование, о котором теперь идет речь, – это уже не существование суверенного государства, но биологическое существование населения» (Фуко, 1996, с. 241). Знание объективных законов существования населения утверждается в качестве основы государственной власти (Фуко, 2010, с. 31). Таким образом, биовласть возникает в результате этатизации биологической жизни посредством вовлечения биологических свойств человеческого вида и их включения внутрь политических стратегий.

Продолжая и расширяя перспективы, намеченные М. Фуко в его исследованиях современного государственного управления, Дж. Агамбен пытается установить тот изначальный диспозитив, который скрыто присутствует на всем протяжении западной истории и непрерывно определяет ее изнутри, обуславливая становление того рода власти, который получил наименование «биовласть». По его мнению, господствующая сегодня на Западе парадигма правления является не только не-демократической, но даже не может рассматриваться как собственно политическая. Данное обстоятельство требует изобретения нового понятийного аппарата и, следовательно, новой объяснительной стратегии (Агамбен, 2014). В своей книге «Номо Сасег. Суверенная власть и голая жизнь» Дж. Агамбен развивает концепцию биовласти М. Фуко, синтезируя римскую фигуру права «*nomos sacer*» и древнегреческие понятия *bios* (политической жизни) и *zoe* (голой жизни). По мнению Дж. Агамбена, восходящее к Аристотелю понимание человека как «политического животного» (*zoon politikon*), то есть как «живого существа, способного к политическому общению», позволяет политизировать голую жизнь как таковую, что как раз и является решающим событием современности, иными словами, когда в политике жизнь человека как живого существа начинает ставиться под вопрос (М. Фуко). Парадоксальным образом голая жизнь включается в политическое именно посредством ее исключения (парадокс «включающего исключения»). Это позволяет Дж. Агамбену рассуждать о биовласти как о том, что не имеет дело с некой предсуществующей данностью, а само непосредственным образом производит до-политическое и до-правовое состояние человеческого существования через искусственное приведение его к «голой жизни», то есть по сути к чисто биологическому выживанию (сам термин «голая жизнь», обозначающий естественное состояние человека, Дж. Агамбен заимствует у В. Беньямина, равно как и его тезис о том, что сегодня мы живем в условиях перманентного чрезвычайного положения). Понятие древнеримского права «*nomos sacer*», с помощью которого обозначали человека, исключенного из социального и божественного закона, реанимируется Дж. Агамбеном для обозначения результата функционирования биовласти, лишаящей человека всех его специфических характеристик и редуцирующей его к самому элементарному свойству «быть живым», которое своей изначальной стороной оказывается свойством «быть мертвым» (что уже было отмечено М. Фуко в отношении биовласти: решение вопроса о жизни с необходимостью является решением вопроса и о смерти). Право жизни и смерти традиционно является прерогативой суверенной власти, онтология которой разрабатывается Дж. Агамбеном на основе «Политической теологии» немецкого правоведа К. Шмитта, определявшего суверена как того, кто принимает решение о чрезвычайном положении, приостанавливая тем самым действие всего правопорядка.

Но если К. Шмитт как теоретик-правовед ставил перед собой цель включить чрезвычайное положение как исключительный случай в право, то Дж. Агамбен связывает суверенную власть и чрезвычайное положение с полной приостановкой действия права, а в пространстве этой приостановки каждый человек становится как бы «голым», лишенным символической «одежды» защищающих его (прикрывающих его естественную «наготу») законов. Именно на этом пределе и обнаруживается чисто биологическое существование человека, которое больше ничего не стоит, а значит может быть уничтожено без вины и ответственности. Символическое «стирание» предвещает физическое уничтожение человека. Так, поясняет Дж. Агамбен, нацисты сначала подвергали евреев и цыган процедуре денационализации, то есть выводили из-под юрисдикции национального закона, а только потом отправляли в лагерь смерти. Дж. Агамбен определяет концлагерь как топос (место) предельного выражения биовласти, когда «право, претендующее на решение о жизни, воплощается в жизнь, которая совпадает со смертью» (Агамбен, 2011а, с. 237). Биовласть замещает «неуправляемую» смерть от несчастного случая, неприемлемую в ее системе координат, систематической и организованной смертью. Как известно, М. Фуко, рассматривая дисциплинарные общества, использовал для их объяснения модель тюрьмы. Но тюрьма является полноценным социальным институтом, который никогда не исключается из социального пространства и в котором гражданско-правовая идентичность человека и его достоинство (по крайней мере, де-юре) не ставятся под сомнение. Модель концлагеря отличается тем, что он представляет собой абсолютное исключение из социального пространства, в лагере человек лишается любой идентичности кроме той, что он «просто живое существо», которое тем самым можно «просто умертвить». Человек здесь, отмечает Дж. Агамбен, в полном смысле становится «сакральным» (*sacer*), что означало в старом римском праве «приговоренный к смерти». Утверждая, что лагерь является номосом современности, Дж. Агамбен прежде всего отмечает то обстоятельство, что чрезвычайное положение все более и более де-факто становится «доминирующей управленческой парадигмой современной политики» (Агамбен, 2011b, с. 9). Если в римской юридической практике конструкция *homo sacer* была исключительной, маргинальной и почти пустой, то в современном обществе биовласть, устанавливая режим чрезвычайного положения в качестве нормы социального бытия, превращает ее в политико-правовой механизм и в потенциально универсальный модус существования человека. Дж. Агамбен также универсализирует концепцию, лишая ее привязки к какой-либо конкретной эпохе, и утверждает, что биовласть является скрытым смыслом и сущностью всех форм власти от древнего мира до настоящего времени. Он соглашается с М. Фуко в том, что «право смерти» суверенная власть не уступила биовласти с ее «правом жизни», но всегда была ее неразлучной спутницей, действуя на изнанке административной бюрократии и объединяясь с ней в своих наиболее заметных случаях «античеловеческого», таких как концлагеря и Холокост.

В своем фундаментальном труде «Империя», посвященном анализу нового мирового порядка глобализации, М. Хардт и А. Негри утверждают, что вся современная политика – это биополитика. Авторы расширяют концептуальную основу М. Фуко, экстраполируя ее на глобальное доминирование транснациональных промышленных и финансовых корпораций, которые «действительно

начали биополитическое структурирование мирового территориального пространства» (Хардт, Негри, 2004, с. 43). Конstellляция различных механизмов эксплуатации и контроля, управляющих сегодняшним миром, обозначается авторами понятием «Империя», которое характеризует глобальную форму биополитического суверенитета, лишённого центра и привязки к определенной территории. Идея Империи прежде всего подразумевает безграничное владычество: «Империя не только управляет территориями и населением, она создает тот мир, в котором живет. Она не только регулирует отношения между людьми, но также стремится к непосредственному овладению человеческой природой. Объектом ее контроля является общественная жизнь в ее целостности, и таким образом Империя представляет собой совершенную форму биовласти» (Хардт, Негри, 2004, с. 14). В целом М. Хардт и А. Негри придерживаются неомарксистской интерпретации биовласти: исходная посылка заключается в том, что работу власти следует понимать как извлечение какой-то «прибавочной стоимости» из человеческой жизни, от которой зависит Империя. Кроме того, они объединяют это представление о всемогущей и всепроникающей биовласти с идеей французского философа Ж. Делёза, который утверждает, что мы перешли от «обществ дисциплины» к «обществам контроля» (Делёз, 2015). М. Фуко характеризовал «дисциплинарные общества» как общества, в которых управление включением и исключением осуществлялось комплексом дисциплинарных учреждений, разбросанных по всему социальному полю – приютов, фабрик, школ, больниц, тюрем, университетов, – каждый из которых стремится внедрить способ поведения в тело, а его корреляцию – в душу. Сегодня, по мнению Ж. Делёза, контроль не ограничивается такими институтами, он становится все более «демократическим», становится имманентным в гибких и изменчивых сетях самого социального существования, так что практики социальной интеграции и исключения оказываются внутренней сущностью самих субъектов. М. Хардт и А. Негри подхватывают эту идею, когда предполагают, что биополитика – это форма власти, которая регулирует общественную жизнь изнутри, и выражается в управлении, которое распространяется по всей глубине сознания и тела населения. В условиях биополитической власти социальное тело целиком поглощается властной машиной и развивается в ее виртуальности.

Несмотря на то, что в работах Х. Арендт не используется термин «биовласть», еще задолго до М. Фуко (примерно за двадцать лет) в своей работе «*Vita activa*» она проанализировала процесс, в ходе которого «человек работающий» (*homo laborans*), а вместе с ним и биологическая жизнь, все больше оказываются в центре современной политической сцены. Политика преобразуется в административное управление, ответственное за содействие человеческому счастью путем обеспечения частных жизненно важных интересов «трудящихся животных» (*animal laborans*), чьи основные потребности связаны с непрерывно повторяющимся циклом производства и потребления. Иными словами, задача политики с появлением так называемого «социального вопроса» заключается отныне в том, чтобы обеспечивать непрерывно протекающий и не подчиненный нашему желанию и воле процесс жизнедеятельности нашего организма (Арендт, 2011, с. 75). Политическая свобода здесь оказывается тождественна биологической необходимости, которая принуждает к телесному труду, ибо труд «отвечает биологическому процессу человеческого тела, которое в своем спонтанном росте,

обмене веществ и распаде питается природными вещами, извлеченными и приготовленными трудом, чтобы предоставить их в качестве жизненных потребностей живому организму» (Арендт, 2017, с. 17). В современном «обществе потребления» все произведенное человеком и весь окружающий его природный мир становятся объектом интенсивной траты, израсходования, так что на пределе даже сам человек оказывается последним расходным материалом (трудовые лагеря и лагеря смерти). Человек безжалостно потребляет природу и сам расходует свою жизнь в процессе труда. В измерении труда, полагает Х. Арендт, человек является не свободным существом, он раб собственной нужды, своих естественных потребностей – силы, еще более принудительной, нежели любое внешнее насилие. К сожалению, эта биополитическая референция, связывающая труд (работу) с биологической «основой» человека, не получила у Х. Арендт своего эксплицитного развития в обстоятельном анализе тоталитаризма (прежде всего речь идет о работе «Истоки тоталитаризма»). Она рассматривает концлагеря, в которых человеческая жизнь сводится к чистой биологии реакций и рефлексов, как результат тоталитаризма, который претендует на абсолютную власть над человеком, но при этом упускает из виду тот факт, что тоталитарные типы господства, возникшие как движения рабочих (фашизм и коммунизм), стали возможны именно тогда, когда политика превратилась в биополитику, то есть когда человек стал «просто биологическим существом». Как подчеркивает Х. Арендт, «сам по себе биологический жизненный процесс, активный обмен веществ человека с природой, как он осуществляется в труде, смог достичь такой чудовищной интенсивности, что его растущая результативность в конечном счете угрожает самостоятельности самого мира и продуктивной способности, которой он обязан своим возникновением» (Арендт, 2017, с. 394–395). Таким образом, понятие биополитики, не встречающееся в работах Х. Арендт, является как бы тем «недостающим звеном», которое не только не противоречит духу ее работ по политике, но полностью выражает ее размышления о современных сдвигах в политическом бытии и в состояниях человеческого существования. Безусловно, здесь просматривается сильное влияние на Х. Арендт философии М. Хайдеггера, который уже в своих заметках, опубликованных под названием «Преодоление метафизики», заявил, что «забвение бытия» выражается в том, что человек как *animal rationale* становится трудящимся животным, *animal laborans*, которое является знаком тотального израсходования и бесцельного опустошения земли, а труд достигает метафизического ранга абсолютного опредмечивания всего сущего. Трудящийся человек утверждает себя в статусе господина над всем «стихийным», упорядоченное пользование которым превращает сущее в материал для производства и его роста. В этот процесс оказывается втянутым и сам человек, который уже не скрывает ту свою существенную характеристику, что он сам является важнейшим материалом для производства. «Трудящееся животное, – пишет М. Хайдеггер, – оставлено дышать угаром своих достижений, чтобы оно растерзало само себя и уничтожилась в ничтожное ничто» (Хайдеггер, 1993, с. 178). Корень этого М. Хайдеггер усматривает в господствующем представлении о человеке как рациональном животном (*animal rationale*), вследствие чего животное антропоморфизируется, а человек анимализируется. Человек же как «животное» во всех своих формах подвергается сплошному расчету и планированию. Это, собственно говоря, и есть биополитика.

Вывод

Разумеется, объем научной статьи не позволяет представить исчерпывающий охват всех теоретических исследований, внесших тот или иной вклад в разработку и содержательное наполнение концепции биополитики. Это задача обстоятельного монографического исследования. Мы вкратце рассмотрели лишь те взгляды, исследовательская перспектива которых является определяющей для современных стратегий мышления, объектом которых выступают различные вопросы биополитического функционирования общества. Можно также сделать общий вывод, что биополитика и биовласть воспринимаются и оцениваются исследователями преимущественно негативно. Концепция биополитики – это по существу своему негативный вариант социальной онтологии. В биополитике как реальной практике общественного развития существование социума связывается с «естественным состоянием» человеческой жизни и с необходимостью биологического выживания населения. В биополитическом обществе человеческая жизнь в практиках ее контроля и регуляции сводится к «правам человека», которые определяются на фундаментальном уровне через «право на жизнь». «Жизнь» здесь понимается как «голая жизнь», то есть берется в качестве до-политического и до-правового физического существования, лишённого всех специфицирующих человеческое бытие сущностных характеристик (Дж. Агамбен). Но общество, искусственным образом приведенное к «естественному состоянию», оказывается пространством «войны всех против всех», в котором правовое и политическое равенство людей оборачивается естественным равенством смертности всех индивидов (Х. Арендт). М. Фуко предупреждал, что ядерная война как самоуничтожение человечества может стать конечной точкой этого процесса управления жизнью и выживания: предавать тотальной смерти одну часть населения есть следствие гарантировать другой части сохранение ее существования. Стремительное же развитие техники лишь раздвигает невиданным доселе образом деструктивные возможности человечества в этом парадоксальном биополитическом управлении жизнью и смертью.

Список литературы

1. Агамбен, Дж. (2011a). *Ното sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М.: Европа.
2. Агамбен, Дж. (2011b). *Ното sacer. Чрезвычайное положение*. М.: Европа.
3. Агамбен, Дж. (2014, 14 февраля). *К теории раз-учреждающей власти*. Взято с http://s357a.blogspot.com/2014/02/blog-post_14.html
4. Арендт, Х. (2011). *О революции*. М.: Европа.
5. Арендт, Х. (2017). *Vita Activa, или о деятельной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс.
6. Делёз, Ж. (2015, 15 мая). *Общество контроля*. Взято с <https://econet.ru/articles/131983-zhil-delez-obschestvo-kontrolya>
7. Жижек, С. (2002). *Добро пожаловать в пустыню Реального!* М.: Фонд «Прагматика культуры».

8. Фуко, М. (1996). *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. М.: Касталь.
 9. Фуко, М. (2006). *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 3*. М.: Практис.
 10. Фуко, М. (2010). *Рождение биополитики*. СПб.: Наука.
 11. Хайдеггер, М. (1993). *Время и бытие: Статьи и выступления*. М.: Республика.
 12. Хардт, М., Негри, А. (2004). *Империя*. М.: Практис.
 13. Rabinow, P., & Rose, N. (2006). Biopower Today. *BioSocieties*, 1, 195–217. doi: 10.1017/S1745855206040014
-

References

1. Agamben, Dzh. (2011a). *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo sacer. Sovereign power and bare life]. М.: Европа.
 2. Agamben, Dzh. (2011b). *Homo sacer. Chrezvychnoye polozhenie* [Homo sacer. State of exception]. М.: Европа.
 3. Agamben, Dzh. (2014, February 14). *K teorii raz-uchrezhdayushhej vlasti* [For a Theory of Destituent Power]. Retrieved from http://s357a.blogspot.com/2014/02/blog-post_14.html
 4. Arendt, Kh. (2011). *O revolyutsii* [On Revolution]. М.: Европа.
 5. Arendt, Kh. (2017). *Vita Activa, ili o deyatel'noj zhizni* [The Human Condition]. М.: Ad Marginem Press.
 6. Delyoz, Zh. (2015, May 15). *Obshchestvo kontrolya* [Control Society]. Retrieved from <https://econet.ru/articles/131983-zhil-delez-obschestvo-kontrolya>
 7. Фуко, М. (1996). *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The will to truth: beyond knowledge, power, and sexuality. Works of different years]. М.: Касталь.
 8. Фуко, М. (2006). *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. Chast' 3* [The intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews. Part 3]. М.: Практис.
 9. Фуко, М. (2010). *Rozhdenie biopolitiki* [The birth of biopolitics]. СПб.: Наука.
 10. Khajdegger, M. (1993). *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and being: Articles and speeches]. М.: Республика.
 11. Khardt, M., & Negri, A. (2004). *Imperiya* [The Empire]. М.: Практис.
 12. Rabinow, P., & Rose, N. (2006). Biopower Today. *BioSocieties*, 1, 195–217. doi: 10.1017/S1745855206040014
 13. Zhizhek, S. (2002). *Dobro pozhalovat' v pustynyu Real'nogo!* [Welcome to the Desert of the Real]. М.: Фонд «Pragmatika kul'tury».
-